

Экономика, организация и управление предприятиями, отраслями, комплексами

УДК 332.14, 336.143
DOI 10.19110/1994-5655-2026-5-128-138

Бедность населения и рост экономики северных регионов: тенденции, взаимосвязь и перспективы

Тимушев Е. Н., Стыров М. М., Захариев Р. Л.

ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

timushev@iespn.komisc.ru
styrov@iespn.komisc.ru
zahariev@iespn.komisc.ru

Аннотация

В работе выявлены тенденции в динамике уровня бедности в северных регионах России, взаимосвязь данного явления с темпами экономического роста и перспективы его преодоления. Важность научного изучения бедности связана с тем, что достойный уровень доходов населения является одним из факторов поступательного социально-экономического развития. В северных регионах острота проблемы усиливается природно-климатическими условиями и высокой стоимостью жизнедеятельности. Кроме этого, актуальность выбранной темы обусловлена отсутствием однозначного подхода к трактовке понятия и измерению бедности. Установлено, что в северных регионах, как и в России в целом, наблюдается постепенное снижение доли населения, живущего за чертой бедности. Как правило, чем выше темпы регионального экономического роста, тем ниже эта доля. Определено, что стимулирование роста экономики и социальная поддержка являются ключевыми направлениями государственной политики по снижению бедности. Они особенно важны на региональном уровне. Найдено, что в Республике Коми объем финансирования указанных мер сегодня составляет 20–22 % от общих расходов регионального бюджета, или около 2,0 % валового регионального продукта. При этом показано, что проблема бедности в Республике Коми стоит острее, чем в большинстве северных регионов. Ее усугубляют высокое неравенство по доходам и безработица. Доказано, что перспективы снижения бедности связаны не только с эффективностью мер социальной поддержки, но и с выходом экономики региона и России в целом на траекторию устойчивого развития.

Ключевые слова:

среднедушевой денежный доход, прожиточный минимум, пороги бедности, валовой региональный продукт, региональный рост, Республика Коми

Economics, Organisation and Management of Enterprises, Industries, and Complexes

Poverty and economic growth in the northern regions: trends, relationship and prospects

Timushev E. N., Styrov M. M., Zakhariev R. L.

Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North FRC
Komi SC UB RAS,
Syktyvkar

timushev@iespn.komisc.ru
styrov@iespn.komisc.ru
zahariev@iespn.komisc.ru

Abstract

The paper identifies trends in the dynamics of poverty in the northern regions of Russia, its relationship with economic growth rates and prospects of overcoming poverty. The importance of the study is due to the fact that a decent income at the individual level is one of the factors of socio-economic development. In the northern regions the severity of the poverty problem is caused by the climatic conditions and high cost of living. In addition, the relevance of the topic is due to the lack of an unambiguous approach to the interpretation of the concept and its measurement. It is established that there is a gradual decrease in poverty in the northern regions and Russia as a whole. As a rule, the higher the rate of regional economic growth, the lower the share of population below the poverty line. It is determined that stimulating economic growth and social support are key areas of government policy to reduce poverty. They are especially important at the regional level. In the Komi Republic, the financing amount of these measures today is 20–22 % of the total regional budget expenditures, or 2.0 % of the gross regional product. At the same time, it is shown that the problem of poverty in the Komi Republic is more acute than in most northern regions. It is exacerbated by high income inequality and unemployment. It is proved that the prospects of poverty reduction are related not only to the efficiency of social support measures but also to the transition of the regional and Russia's economy to the sustainable development level.

Keywords:

average per capita monetary income, cost of living, poverty thresholds, gross regional product, regional growth, Komi Republic

Введение

Проблема бедности остается актуальной как в России, так и в мире в целом. В последние годы она обострилась в связи с пандемией COVID-19, продолжающейся политической и экономической нестабильностью, ростом инфляции и появлением других кризисных явлений. Меры государственной политики в существенной степени влияют на уровень бедности. Так, например, в научных работах было показано, что пенсионная реформа привела к росту уровня бедности населения в предпенсионном возрасте [1] и была значима с точки зрения общего социального неблагополучия [2].

Бедность является многоаспектным понятием. Зачастую его определение зависит от контекста применения [3]. Например, А. О. Козлова и М. Н. Макарова определяют бедность через абсолютный, депривационный и субъективный подходы [4]. В научных работах феномен бедности анализируется во множестве проекций: отрасль, в которой занят работник, регион проживания, размер и характер иждивенческой нагрузки, качество человеческого капитала [5]. Изучались роль институтов в формировании непосредственно бедности и представлений о ней [6], влияние нормативно-правовой базы на бедность в регионах России [7]. В. А. Сушко подчеркивает, что острота проблемы бедности в государстве отражает состояние общественной жизни и является фактором стабильности развития [8]. В рамках концепции многомерной бедности анализируются доходы наиболее уязвимых слоев населения, в числе которых коренные народы, этнические меньшинства, инвалиды и дети [9].

Актуальность исследования бедности обусловлена тем, что достойный уровень доходов населения является одним из факторов поступательного социально-экономического развития. Но при этом исследование бедности должно быть неразрывно связано с более глубоким взглядом на саму ее сущность, причины и пути преодоления. Во-первых, целостный взгляд на человека требует понимать под бедностью не только буквальную нехватку средств для существования, но и недостаток общения, культурной жизни, семейного тепла, а также субъективное самоощущение людей, постоянное недовольство им самим своим достатком. Во-вторых, не последним является вопрос о причинах бедности. Одно дело, когда для этого существуют объективные факторы, такие как многодетность, тяжелое заболевание, потеря близких или работы. Тут необходимость внешней поддержки обычно сомнений не вызывает. Но довольно часто в нищету человека ввергают его собственные отрицательные черты: правонарушения, различные зависимости, бездеятельность и тому подобные. В этих случаях возникает сложная моральная дилемма относительно обоснованности и допустимых размеров материальной помощи.

Отсутствие единого определения бедности порождает множество подходов к ее измерению [10]. А. В. Белоусова выделяет несколько подходов к оценке уровня бедности [11]. Ее можно измерить через два показателя: (1) долю численности населения, живущего за чертой прожиточ-

ного минимума. Здесь адекватность оценки связывается с обоснованностью выбора порогового значения доходов; (2) долю доходов населения в нижнем квантиле распределения населения по численности в общей величине доходов. Здесь адекватность оценки бедности связывается с обоснованностью выбора количества групп населения. На уровне Росстата в рамках поддержки целей ООН по устойчивому развитию до 2030 г. используется пять показателей: (1) доля населения за национальной чертой бедности, (2) индекс риска бедности и социальной исключенности, (3) динамика реальных располагаемых доходов, (4) доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума и (5) доля расходов консолидированного регионального бюджета на социальную поддержку отдельных категорий граждан [12].

Определение порога является одной из ключевых задач при анализе проблем бедности [3]. В России преимущественно измеряется абсолютная бедность – применяются такие показатели, как прожиточный минимум, потребительская корзина и минимальный размер оплаты труда [12]. Бедными (малоимущими) считаются домохозяйства с уровнем доходов ниже прожиточного минимума (подход Росстата). Таким образом, ключевой индикатор бедности в России – это доля населения с располагаемыми доходами ниже величины прожиточного минимума.

В Европе стандарты бедности выше, чем в России. Если в нашей стране с 2021 г. к бедным относятся лица с доходами ниже 44,2 % медианы среднедушевого денежного дохода, то в европейских странах и странах ОЭСР к бедному населению относятся лица с доходами менее 60 % медианного уровня [13]. При этом в развитых странах доход ниже 40 % медианы на члена домохозяйства считается крайней бедностью, ниже 50 % – бедностью, ниже 60 % – нуждаемостью, или чертой риска бедности и социальной эксклюзии [14].

Природа бедности со временем видоизменяется. Традиционная связь между усердным трудом, высокой производительностью и достойным уровнем жизни ослабевает, уступая место факторам, основанным на социальном статусе и внешних условиях [15]. Бедность сегодня связывается не только с отсутствием средств к выживанию, но и с социальной исключенностью. Так, согласно С. С. Ярошенко, бедность в России возникает не столько из объективных обстоятельств (возраст, семейное положение), сколько выступает как результат неблагоприятных социально-экономических условий, которые препятствуют реализации достигнутых человеком способностей и знаний [16]. На Севере бедность во многом связана с правилами природопользования, когда у местных сообществ остается мало возможностей и ресурсов управлять жизненной ситуацией в условиях дорогостоящего проживания (социальное исключение) [17].

В России регион проживания является существенным фактором риска для домохозяйства оказаться за чертой бедности [18]. Во многом это связано с тем, что возможности регионального бюджета для реализации социальной политики существенно отличаются между регионами, что усугубляет проблему бедности [19]. Непосредственное

влияние на материальное положение людей могут оказывать и природно-климатические факторы. Жизнь в условиях Севера сопряжена с необходимостью значительных ресурсных затрат. Бедность в северных регионах¹ как показатель недостатка материальных средств существенно снижает общий уровень жизни семей, особенно многодетных, что ведет к воспроизводству детской бедности и угрожает устойчивому развитию региона [9]. Для эффективной борьбы с детской бедностью требуется комплексный подход, включающий как меры по улучшению ситуации на рынке труда, так и реформирование системы социальной поддержки. Согласно исследованиям Е. Корчак и Н. Серовой, наиболее значимой проблема бедности является в арктических регионах России [20].

Цель данной работы – выявление основных тенденций в динамике уровня бедности в северных регионах России, ее взаимосвязи с темпами роста экономики и основных мер государственной политики по преодолению бедности. Особое внимание мы уделяем проблеме бедности в Республике Коми – динамике показателя (сравнение с фактическим, целевым и среднероссийским уровнями), неравенству доходов, а также безработице как одному из факторов бедности.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- раскрыть содержание феномена бедности и методы ее количественного измерения;
- выявить основные тенденции в динамике бедности в северных регионах;
- установить взаимосвязь между динамикой бедности и темпами роста экономики регионов;
- изучить меры государственной политики по борьбе с бедностью и выполнить анализ объема государственных расходов на реализацию этих мер в Республике Коми.

Материалы и методы

Применены общенаучные методы, такие как анализ и синтез, сравнение, группировка. Используются структурный анализ и базовые статистические методы, анализ нормативно-правовых актов (законов о бюджете и об ис-

полнении бюджета), а также графический и корреляционный анализы. Основным показателем уровня бедности в России является удельный вес численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения.

Результаты и их обсуждение

На всем протяжении рассматриваемого периода, с 2000 по 2024 г., наблюдается общее снижение доли людей, живущих за чертой бедности (рис. 1). Максимальные значения пришлось на начало 2000-х гг., что связано с перестройкой хозяйственных связей в 1990-е гг. и последствиями финансового кризиса 1998 г. Примечательно, что в регионах Севера этот показатель был значительно ниже общероссийского уровня. Но все же, несмотря на макроэкономические шоки в 2008–2009, 2014–2015, 2000 и 2022 гг., тенденции уровня бедности как в целом по стране, так и по регионам Севера демонстрируют сближение (конвергенцию). Представленные данные примерно соотносятся с оценками, выполненными в [12], согласно которым в России каждый девятый человек живет в бедности.

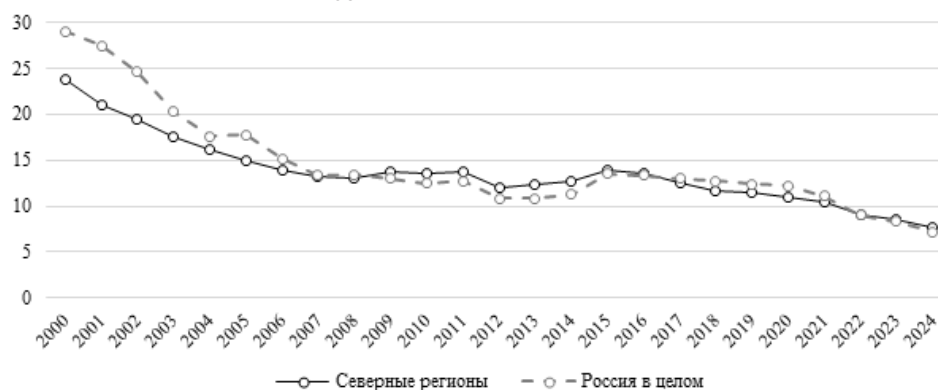

Рисунок 1. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения.

Источник. Здесь и в табл. 1, рис. 4–6: данные Росстата.

Примечание. Показатель для северных регионов – на основе индивидуальных данных по регионам, среднее взвешенное на численность населения в соответствующем году.

Figure 1. Population number with monetary incomes below the subsistence level, in % of the total population

Source. Here and in Table 1, Figs. 4–6: Rosstat.

Note. The indicator for the northern regions is based on individual regional data, weighted average per population in the corresponding year.

Меньший уровень бедности в начале 2000-х гг. в северных регионах обусловлен низким значением показателя в регионах с наибольшей численностью населения, таких как Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, республики Коми, Саха (Якутия) и Мурманская область, где в 2000 г. в совокупности проживало более 60 % всего населения северных регионов (для Архангельской области без учета Ненецкого АО данные ранее 2013 г. в статистике отсутствуют). С конца 2000-х гг. уровень бедности между группами регионов выравнивался. Это связано с ростом доли населения с доходами ниже прожиточного минимума на Севере относительно уровня остальных регионов, в том числе в республиках Коми и Саха (Якутия). Бедность в Архангельской области примерно соответствовала общероссийскому показателю. Согласно данным, начиная

¹ Под северными регионами нами понимаются субъекты России, территория которых, согласно Постановлению Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946, полностью относится к районам Крайнего Севера или приравненным к нему местностям: республики Карелия, Коми и Саха (Якутия), Камчатский край, Архангельская, Магаданская, Мурманская и Сахалинская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа. Из рассмотрения исключена Республика Тыва из-за резкой географической обособленности от остальных рассматриваемых регионов.

с их публикации в 2013 г., Н. Н. Михеева и В. Г. Басарева отмечают, что, несмотря на высокодоходные отрасли, Север сталкивается с системной проблемой бедности, что обусловлено не только самой спецификой их экономик, но и особенностями жизни коренного населения [19].

Несмотря на сближение уровня бедности, необходимо отметить, что во всех рассматриваемых регионах Севера наблюдается снижение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума по сравнению с 2000 г., что может указывать на улучшение уровня жизни граждан в целом. Наибольшее изменение зафиксировано в Чукотском АО (-45,7 п. п.) (табл. 1). Заметим, что в 2000 г. доля населения с недостаточным уровнем жизни в этом регионе была одной из самых высоких – 50,1 %. Также ранее выделялись Сахалинская область (39,6 %) и Ненецкий АО (37,9 %). Для сравнения, одни из самых низких значений как в 2000 г., так и в 2024 г. демонстрируют Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, что объясняется их статусом ключевых регионов РФ с развитой нефтегазовой промышленностью. Несмотря на положительную динамику, региональные различия в уровне жизни все еще остаются существенными.

Динамика валового регионального продукта (ВРП) северных регионов России в целом повторяет динамику валового внутреннего продукта (ВВП) России (рис. 2). При этом, начиная с 2022 г. на Севере наблюдается стагнация, тогда как по России в целом после падения в 2022 г. экономика восстановилась. Темп роста ВРП северных регионов рассчитывался нами как средневзвешенный с учетом абсолютного размера ВРП каждого региона.

Так, размер ВРП Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, по данным за 2023 г., в сумме дают почти 60 % ВРП по Северу. Порядка 10 % каждый составляют удельные веса экономик Республики Саха (Якутия) и Сахалинской области. ВРП Республики Коми, Архангельской и Мурманской областей «дают» каждый около 5 %. В 2025–2027 гг. темп роста экономики на Севере прогнозируется на уровне средне-российского, что обусловлено восстановлением экономики в регионах, которые сильно пострадали от неблагоприятных внешних факторов в 2022–2023 гг. – Ямало-Ненецком АО, Мурманской и Сахалинской областях.

С 2000-х гг. наблюдается тенденция уменьшения бедности как по России в целом, так и отдельно в северных регионах. При этом темпы экономического роста не имели ярко выраженной тенденции. Это объясняет то, что взаимосвязь соответствующих показателей статистически не значима.

Таблица 1
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения

Table 1
Population number with monetary incomes below the subsistence level, % of the total population

Регионы	2000 г.	2024 г.	Изменение
Россия в целом	29,0	7,2	-21,8
Северные регионы	22,0	7,7	-14,3
Республика Карелия	22,3	8,4	-13,9
Республика Коми	26,3	10,3	-16,0
Ненецкий автономный округ	37,9	6,4	-31,5
Архангельская область	...	8,1	...
Мурманская область	24,9	6,1	-18,8
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	11,8	5,7	-6,1
Ямало-Ненецкий автономный округ	11,1	3,5	-7,6
Республика Саха (Якутия)	28,3	12,8	-15,5
Камчатский край	...	9,7	...
Магаданская область	30,9	5,9	-25,0
Сахалинская область	39,6	5,3	-34,3
Чукотский автономный округ	50,1	4,4	-45,7

Примечание. Данные по северным регионам в целом рассчитаны как средневзвешенное индивидуальных значений по регионам по численности населения в соответствующем году.

Note. The data for the northern regions are calculated as a weighted average of individual regional population values in the corresponding year.

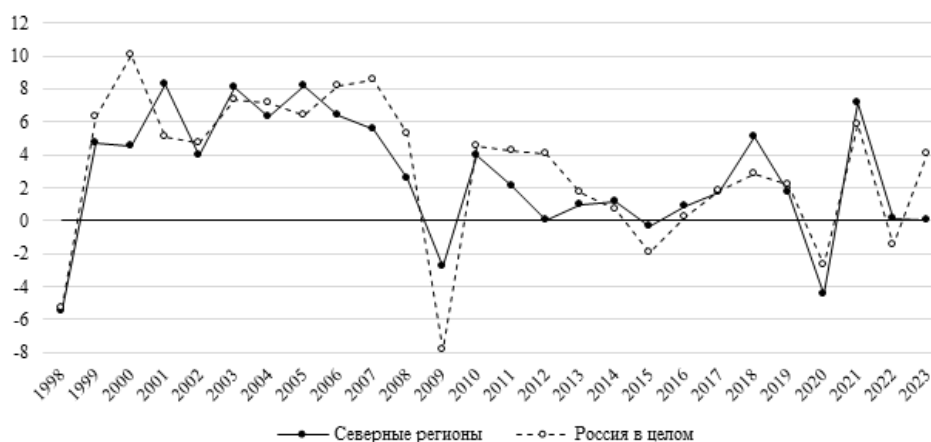

Рисунок 2. Рост экономики северных регионов и России в целом.

Источник. Здесь и на рис. 3: расчеты по данным Росстата.

Примечание. Показатель для северных регионов – на основе индивидуальных данных по регионам, среднее взвешенное на абсолютный размер ВРП в соответствующем году.

Figure 2. Economic growth in the northern regions and in Russia.

Source. Here and in Fig. 3: calculations by the Rosstat data.

Note. The indicator for the northern regions is based on individual regional data, weighted average per absolute size of GRP in the corresponding year.

Важно не сам уровень бедности, а его динамика из года в год, ведь в части экономического роста мы также опираемся на темповый показатель – ежегодный индекс физического объема валового регионального продукта. Учет изменения показателя уровня бедности за каждый год дает сильный отрицательный парный коэффициент корреляции для рассматриваемых показателей за 2000–2023 гг. (рис. 3). В регионах России ежегодная динамика

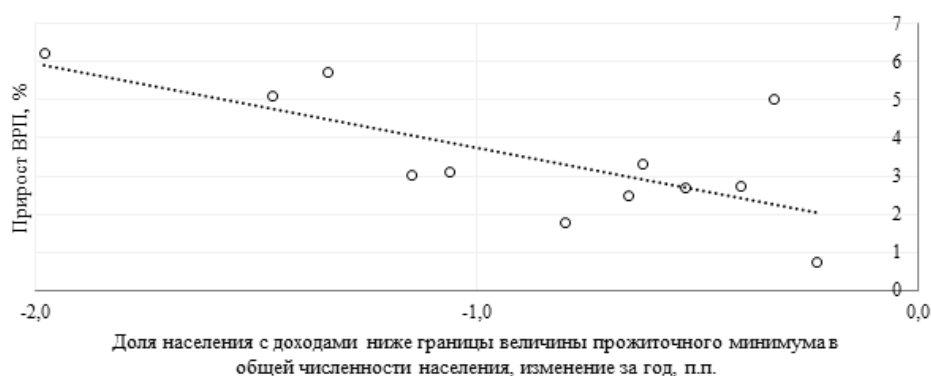

Рисунок 3. Темп роста ВРП и численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума – только северные регионы.

Примечание. Коэффициент парной корреляции: $-0,70$ (статистически значимый). По средним данным за 2000–2023 гг.

Figure 3. The GRP growth rate and population number with incomes below the subsistence level – only for the northern regions.

Note. Pairwise correlation coefficient: -0.70 (statistically significant). According to the average data for 2000–2023.

ка ВРП, как и темпы сокращения уровня бедности, были выше, чем отдельно по северным регионам (3,8 и 2,8 % и $-0,9$ и $-0,6$ п. п. соответственно). Следовательно, чем выше темп роста экономики, тем ниже доля бедного населения в соответствующем регионе. Это объяснимо тем, что доходы населения являются важнейшим компонентом валового продукта, обеспечивающим спрос в экономике. Повышение экономической активности в целом влечет рост доходов, часто опережающий, в группе населения с их наименьшим уровнем (среди малообеспеченных). Наши расчеты по всем регионам России (не приведены) подтверждают выявленную взаимосвязь.

В настоящее время одним из целевых показателей национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи», поставленной Президентом России², является снижение доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума до 7 % в 2030 г. и 5 % в 2036 г. (для многодетных семей – 12 и 8 % соответственно). Опираясь на Единый план по достижению национальных целей развития, разработанный Правительством Российской Федерации³, можно выделить несколько направлений и соответствующие им меры проводимой политики снижения уровня бедности (табл. 2). Подчеркнем, что борьба с бедностью должна проводиться не только и не столько на общефедеральном, сколько на региональном уровне. Так проводимая политика будет лучше учитывать региональные особенности и неравенство доходов, поскольку универсальные методы и общий экономический рост не всегда бывают эффективны.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309.

³ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., утв. Правительством РФ. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://static.government.ru> по состоянию на 09.01.2025. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=78F3DFCB254AC-DADECA01241FD94C956&mode=searchcard&base=LAW&n=495719&dst=1000000001&BASENODE=ililMSwwLDEililwiljlsMSxMQVcilil&rnd=53D05C-CA5402C4A7679D672B633437A#xQw119Vkf4iacNB0>

Проблема бедности в Республике Коми является весьма острой. Она отражена в Стратегии социально-экономического развития региона на период до 2035 г.⁴ Снижение уровня бедности является одним из целевых показателей достижения цели создания условий для полноценного формирования динамично развивающегося человеческого капитала⁵. Снижение бедности планируется достигнуть как мерами стимулирования частного сектора экономики – в рамках политики занятости насе-

ления, так и непосредственно мерами социальной политики. К первым отнесены поддержка безработных граждан и расширение возможностей трудоустройства, ко вторым – помощь гражданам с доходами ниже прожиточного минимума и оказавшимся в тяжелом материальном положении, помощь на основании социального контракта и поддержка семей с детьми. В качестве ожидаемого результата планируется снизить уровень бедности до 7,9 % к 2030 г. В настоящее время поставленная цель не достигнута, и бедность в Республике Коми выше, чем в среднем по России в целом (рис. 4). Пик обнищания пришелся на 2000 г. и составил 26,3 %, или 278,2 тыс. чел., что было даже несколько ниже общероссийского уровня. Общее число жителей, проживавших на тот момент в республике, составляло 1027,8 тыс. чел. С 2000 по 2007 гг. динамика бедности приобретает устойчивый нисходящий тренд, происходит улучшение благосостояния граждан, которое можно связать с рядом факторов. Прежде всего, ключевую роль обусловил рост цен на нефтепродукты и прочие энергоресурсы, что, в свою очередь, привело к увеличению доходной части бюджета, позволив значительно увеличить социальные выплаты незащищенным категориям граждан. С 2009 г. наблюдалась несколько иная тенденция, обусловленная мировым финансовым кризисом и действием антикризисных мер, предпринятых Правительством РФ. Большую роль сыграла высокая степень зависимости региональной экономики от сырьевого сектора. Поскольку Республика Коми преимущественно ориентирована на добычу и переработку нефти, газа и угля, колебания мировых цен на энергоресурсы привели не только к снижению объемов производства, но и сокращению рабочих мест и падению заработных плат. Сегодня же динамика показателя бедности является убывающей,

⁴ О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 г.: Постановление Правительства РК от 11.04.2019 № 185 (ред. от 07.02.2024).

⁵ Полностью стратегическая цель № 1 сформулирована как «динамично развивающийся человеческий капитал с высоким духовным, культурным и профессиональным потенциалом, обеспеченный условиями его полноценной реализации».

Направления и меры по достижению национальной цели снижения уровня бедности, полномочиями на реализацию которых обладают органы власти субъектов Российской Федерации

Таблица 2

Areas and measures to achieve the national goal of reducing poverty, which are authorised to be implemented by the authorities of the constituent entities of the Russian Federation

Table 2

Направление	Меры
Политика занятости населения	(1) повышение экономической активности; (2) развитие предпринимательской инициативы; (3) снижение количества низкоквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих мест; (4) противодействие теневой занятости; (5) трудоустройство выпускников по востребованным специальностям, модернизация центров карьеры на базе организаций высшего образования
Социальная политика	(1) поддержка многодетных семей; (2) рост охвата малоимущих граждан государственной социальной помощью на основании социального контракта; (3) социальная поддержка пенсионеров, в том числе социальная доплата к пенсии до величины не ниже прожиточного минимума пенсионера в субъекте Российской Федерации; (4) индексация выплат, пособий и компенсаций
Административные полномочия	(1) установление величины прожиточного минимума на очередной год с учетом уровня инфляции; (2) установление минимального размера оплаты труда не ниже величины прожиточного минимума
Справочно: Федеральные полномочия	(1) ежемесячная выплата из материнского капитала; (2) ежегодная индексация страховых пенсий не ниже уровня инфляции предыдущего года; (3) финансовая поддержка семей с детьми в виде единого пособия (Единое пособие назначает Социальный фонд (СФР))

Источник. Составлено авторами согласно Единому плану Правительства Российской Федерации по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.

Source. Compiled by the authors in accordance with the Unified Plan of the Government of the Russian Federation for achieving the National Development Goals of the Russian Federation until 2030 and for the future until 2036.

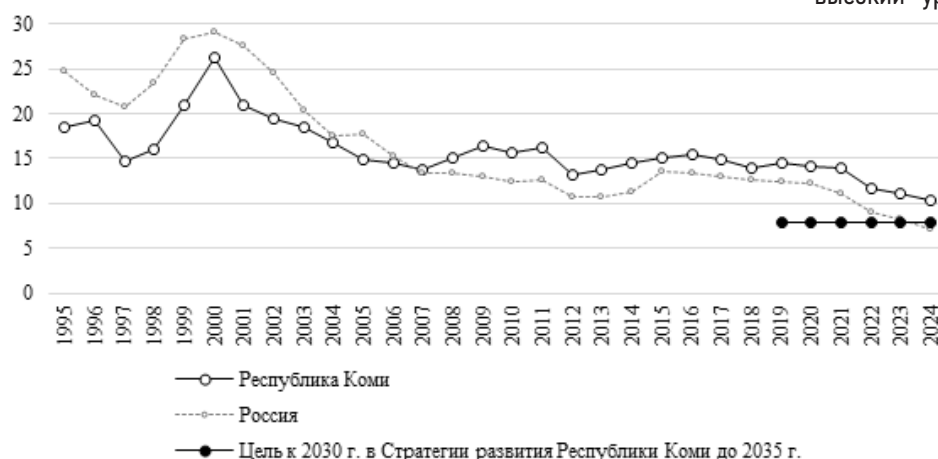

Рисунок 4. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в Республике Коми, в % от общей численности населения.

Figure 4. Population number with monetary incomes below the subsistence level in the Komi Republic, % of the total population.

что дает основания ожидать решения задачи при сохранении существующих тенденций.

Помимо макроэкономических показателей, на уровень бедности оказывает влияние и дифференциация доходов населения, усугубляя и без того большое социальное расслоение. На всем протяжении 1995–2024 гг. в Республике Коми сохраняется значительный разрыв в распределении доходов (рис. 5). Если доля доходов I децильной группы колебалась в пределах 4,8–7,8 %, то V группы – 39,3–48,9 %.

Таким образом, наиболее обеспеченные слои населения располагают финансовыми средствами, значительно превышающими материальное благосостояние бедных. Разница в доходах крайних групп в разные годы составляла 5,0–10,2 раза и была максимальной в 2001–2013 гг. В последние годы наблюдается некоторое снижение разрыва, но высокое неравенство сохраняется. Доходы среднего класса, который условно состоит из II, III и IV групп, остаются относительно стабильными (46–53 %).

Безработица является одним из основных факторов бедности. Она отрицательным образом воздействует на экономическое благополучие. Высокий уровень индикатора напрямую коррелирует с ростом числа людей, не имеющих возможности в определенный момент времени обеспечить себе и своей семье приемлемое качество жизни. Хотя наблюдается общий тренд снижения, динамика показателя в Республике Коми крайне нестабильна, что свидетельствует о том, что рынок труда и трудоустройство в значительной степени зависят от состояния экономики и внешних шоков (рис. 6). Более того, уровень безработицы в Республике Коми выше среднего как в сравнении со среднероссийской, так и среднесеверной величинами. Таким образом, относительно высокий уровень бедности в Республике

Коми во многом обусловлен диспропорциями на рынке труда – несбалансированностью спроса и предложения рабочей силы, которая усиливается в отдельные годы.

На основании анализа законов Республики Коми о бюджете можно оценить масштаб проводимой политики сокращения бедности в регионе. Всего расходы регионального бюджета на региональные проекты, направленные на решение проблемы бедности, согласно нашим подсчетам, составили 20,6 млрд руб. в 2024 г. (21,6 млрд руб. было

запланировано в 2025 г. на начало года, отчетные данные пока не доступны), что эквивалентно 16,7–17,4 % от общих расходов и, примерно, 1,8–2,0 % от ВРП (табл. 3). В 2026–2028 гг., согласно принятому в конце 2025 г. закону, указанные расходы существенно увеличатся и достигнут примерно 20,0–22,0 % от общей величины расходов, или 2,0–2,3 % ВРП.

В программном разрезе приоритетными расходами по борьбе с бедностью в республике являются расходы на

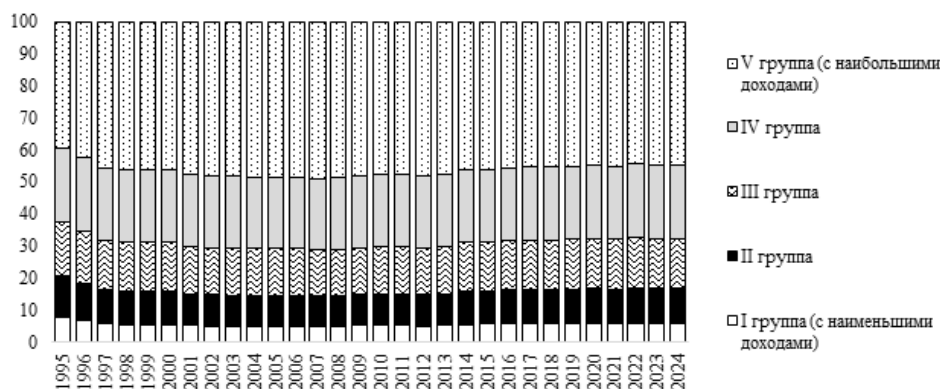

Рисунок 5. Распределение денежных доходов по 20 %-ным группам населения в Республике Коми, %.
Figure 5. Distribution of monetary incomes by 20 % population groups in the Komi Republic, %.

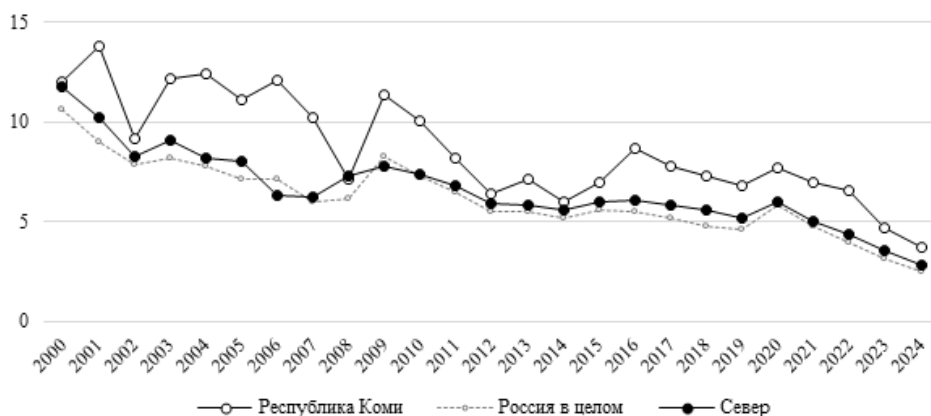

Рисунок 6. Уровень безработицы, %.
Примечание. Показатель для северных регионов – среднее простое региональных данных.
Figure 6. Unemployment rate, %.
Note. The indicator for the northern regions is an average of the regional data.

социальную защиту населения (поддержка семей, в том числе многодетных, а также старшего поколения) и здравоохранение (проект «Охрана материнства и детства») (рис. 7). В части государственной программы «Развитие строительства» расходы направляются на обеспечение жильем отдельных категорий граждан, создание инфраструктуры для целей жилищного строительства, государственной программы по развитию сельского хозяйства – на поддержку сельской экономики и сельского хозяйства, например, на эффективное использование земель, поддержку кормопроизводства, обновление основных фондов и развитие малых форм хозяйствования.

Выводы и предложения

Проведенный анализ позволил выявить основные тенденции в динамике уровня бедности в северных регионах России, ее взаимосвязь с темпами роста экономики и основные меры государственной политики по преодолению бедности. Установлено, что в северных регионах, как и в России в целом, наблюдается постепенное снижение доли населения, живущего за чертой бедности, хотя сохраняются существенные региональные различия. Как правило, с ростом региональной экономики уровень бедности сокращается. Выявлено два основных направления государственной политики по снижению бедности: стимулирование роста экономики и социальная поддерж-

ка. Проблема бедности в Республике Коми стоит острее, чем в большинстве северных регионов. Здесь бедность выше, чем в России в целом, но в последние годы снижается, приближаясь к целевому показателю, поставленному в стратегии социально-экономического развития республики до 2035 г. Проблему бедности усугубляют высокое неравенство по доходам и уровень безработицы.

Поиск путей преодоления бедности упирается в проблему нравственных причин ее возникновения, которая не может быть решена лишь в рамках экономической науки. Не бесспорным является и возложение ответственности за помощь нуждающимся всецело на плечи государства. Возникает риск социального иждивенчества, являющийся серьезной проблемой высокоразвитых обществ [21]. Обезличенная система субсидий и даже социальных контрактов вряд ли может

этому воспрепятствовать. Возможно, более продуктивным в перспективе является развитие систем прямой личной и коллективной взаимопомощи, поскольку они порождают глубокие взаимоотношения между людьми, а значит – благодарность и ответственность, немало влияющие на образ жизни. Поиск путей искоренения сложного социального феномена бедности должен корреспондировать с понятиями милосердия, созидательного труда, взаимопомощи и взаимоуважения, приоритета духовного над материальным и другими традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, защите и укреплению которых сейчас уделяется большое внимание⁶.

Перспективы дальнейшего снижения бедности связаны не только с эффективностью мер социальной поддержки, но и выходом экономики региона и России в целом на траекторию устойчивого развития. В Республике Коми это позволит достичь цели формирования динамично развивающегося человеческого капитала и тем самым создать условия реализации стратегии социально-экономического развития.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 13.02.2026).

Таблица 3

**Расходы регионального бюджета Республики Коми, направленные на решение проблемы бедности,
в разрезе государственных программ**

Table 3

Expenditures of the regional budget of the Komi Republic, aimed at solving the problem of poverty, in the context of government programs

Государственная программа	млрд руб.					% общих расходов				
	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.	2024 г.	2025 г.	2026 г.	2027 г.	2028 г.
Всего расходы бюджета	123,7	124,5	124,6	124,6	130,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Всего расходы на политику снижения бедности	20,6	21,6	27,4	25,5	25,6	16,7	17,4	22,0	20,4	19,7
в том числе:										
03 Социальная защита населения, включая региональные проекты «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Старшее поколение» *	16,8	17,3	16,8	16,4	16,5	13,6	13,9	13,4	13,2	12,7
01 Развитие здравоохранения, включая региональный проект «Охрана материнства и детства» *	0,0	0,3	6,1	5,8	5,9	0,0	0,2	4,9	4,6	4,5
13 Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, развитие рыбохозяйственного комплекса	1,5	1,7	1,4	1,3	1,2	1,2	1,4	1,1	1,0	0,9
04 Развитие строительства, обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан	0,0	0,3	1,9	1,1	0,8	0,0	0,2	1,6	0,9	0,6
05 Содействие занятости населения	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,5	0,6	0,5	0,5	0,5
09 Развитие экономики и промышленности, включая региональные проекты «Государственная поддержка реализации на территории Арктической зоны Республики Коми инвестиционных проектов», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы (Республика Коми)»	1,3	1,3	0,3	0,2	0,2	1,0	1,0	0,3	0,1	0,2
Остальные	0,4	0,0	0,2	0,0	0,3	0,3	0,0	0,1	0,0	0,3
Справочно: всего расходы на политику снижения бедности, в % от ВРП	1,8	2,0	2,3	2,0	2,0	-	-	-	-	-
ВРП Республики Коми, млрд руб. (2025 г. – оценка, 2026–2028 гг. – прогноз)	1147	1080	1176	1250	1310	-	-	-	-	-

Источник. Расчеты по данным 2024 г.: Об исполнении республиканского бюджета Республики Коми за 2024 г. Закон Республики Коми от 24.07.2025 № 34-РЗ. 2025 г.: О республиканском бюджете Республики Коми на 2025 г. и плановый период 2026 и 2027 гг.: Закон Республики Коми от 10.12.2024 № 91-РЗ. 2026–2028 гг.: О республиканском бюджете Республики Коми на 2026 г. и плановый период 2027 и 2028 гг.: Закон Республики Коми от 09.12.2025 № 57-РЗ.

Примечание. * входит в национальный проект «Семья».

Source. Calculations according to the data of 2024: On the execution of the republican budget of the Komi Republic for 2024: Law of the Komi Republic dated 24.07.2025 № 34-FZ. 2025: On the republican budget of the Komi Republic for 2025 and the planning period of 2026 and 2027: Law of the Komi Republic dated 10.12.2024 № 91-FZ. 2026–2028: On the republican budget of the Komi Republic for 2026 and the planning period of 2027 and 2028: Law of the Komi Republic dated 09.12.2025 № 57-FZ.

Note. * part of the national project "Semya [Family]".

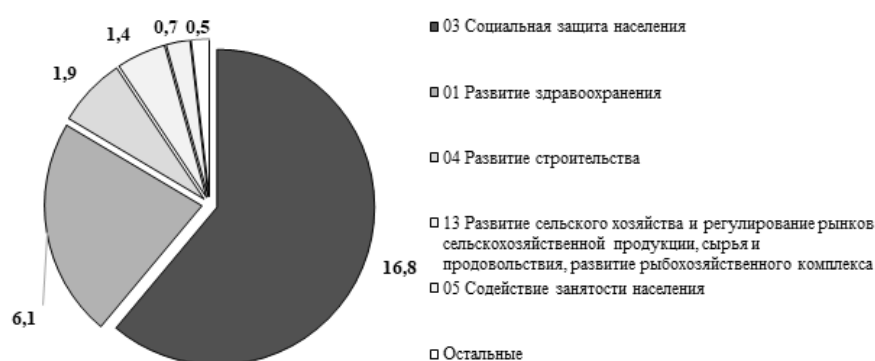

Рисунок 7. Структура расходов регионального бюджета Республики Коми на решение проблемы бедности в 2026 году, в разрезе государственных программ, млрд руб.

Источник: расчеты по данным: о республиканском бюджете Республики Коми на 2026 г. и плановый период 2027 и 2028 гг.: Закон Республики Коми от 09.12.2025 № 57-РЗ.

Figure 7. The structure of expenditures of the regional budget of the Komi Republic on solving the problem of poverty in 2026, in terms of government programs, billion rubles.

Source. Calculations based on the following data: On the republican budget of the Komi Republic for 2026 and the planning period of 2027 and 2028: Law of the Komi Republic dated 09.12.2025 № 57-RZ.

Источники и литература

- Горлин, Ю. М. Влияние повышения пенсионного возраста на уровень бедности населения РФ: микросимуляционный анализ / Ю. М. Горлин, М. А. Карцева, В. Ю. Ляшок // Прикладная эконометрика. – 2019. – Т. 54. – С. 26–50.
- Гринберг, Р. С. Повышение пенсионного возраста в России или как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны / Р. С. Гринберг, А. Л. Сафонов // Журнал новой экономической ассоциации. – 2019. – № 2. – С. 167–177. – URL: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-42-2-8>.
- Исупова, Е. Н. Оценка уровня бедности в СФО: классические и аль-

- тернативные подходы / Е. Н. Исупова, С. Ю. Варт, С. В. Бекарева // ЭКО. – 2022. – № 11 (581). – С. 109–124. – URL: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-11-109-124>.
4. Козлова, О. А. Сокращение бедности в России в контексте реализации национальных целей развития / О. А. Козлова, М. Н. Макарова // Журнал экономической теории. – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 770–780. – URL: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.2>.
 5. Тихонова, Н. Е. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции / Н. Е. Тихонова, Е. Д. Слободенюк // Мир России. – 2022. – № 1. – С. 113–137. – URL: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>.
 6. Терин, Д. Ф. Политическое доверие, удовлетворенность и представления о бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия / Д. Ф. Терин // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 144–157. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.10>.
 7. Павлов, П. Н. Влияние регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России / П. Н. Павлов // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – С. 62–79. – URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-62-79>.
 8. Сушко, В. А. Качество жизни населения России в XXI веке: благополучные годы (2002–2012): рецензия на монографию Ю. П. Аверина / В. А. Сушко // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и Политология. – 2018. – Т. 24, № 3. – С. 189–204. – URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-189-204>.
 9. Корчак, Е. А. Бедность населения как угроза устойчивому развитию российской Арктики / Е. А. Корчак // Арктика и Север. – 2020. – № 40 (40). – С. 47–65. – URL: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.47>.
 10. Анализ и прогноз уровня бедности населения в Арктической зоне Республики Саха (Якутия) / В. Н. Маркова, К. И. Алексеева, А. Б. Неустроева, Е. В. Потравная // Проблемы прогнозирования. – 2021. – 32 (4). – С. 110–122. – URL: <https://doi.org/10.1134/S1075700721040109>.
 11. Белоусова, А. В. Уровень бедности в РФ: пространственный анализ / А. В. Белоусова // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 4. – С. 73–88. – URL: <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10043>.
 12. Эффективная система государственного управления – основной фактор в борьбе с бедностью населения России / Л. Г. Чередниченко, Р. В. Губарев, Е. И. Дзюба, Ф. С. Файзуллин // Российский экономический журнал. – 2023. – № 2. – С. 4–23. – URL: https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_2_4.
 13. Губарев, Р. В. Измерение многомерной бедности населения регионов России: гибридный подход / Р. В. Губарев, А. Г. Каримов, Е. И. Дзюба // Журнал институциональных исследований. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 80–95. – URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.080-095>.
 14. Кубишин, Е. С. Бедность в России: методология измерения и международные сравнения / Е. С. Кубишин, А. П. Седлов, И. В. Соболева // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2021. – № 1. – С. 56–70. – URL: <https://doi.org/10.24412/2073-6487-2021-1-56-70>.
 15. Фишман, Л. Г. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии / Л. Г. Фишман, В. С. Мартыанов, Д. А. Давыдов. – М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2019. – 416 с.
 16. Ярошенко, С. С. «Новая бедность» в России после социализма / С. С. Ярошенко // Laboratorium. – 2010. – № 2. – С. 221–251.
 17. Лыткина, Т. С. Вытеснение Российского Севера: исключение без права на ресурсы / Т. С. Лыткина, С. С. Ярошенко // Экономическая социология. – 2023. – Т. 24, № 5. – С. 93–127. – URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>.
 18. Кормишкин, Е. Д. К вопросу о бедности в России: факты, парадоксы, особенности и перспективы сокращения / Е. Д. Кормишкин, И. А. Иванова, И. В. Моисеева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 218–235. – URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.4.88.12>.
 19. Михеева, Н. Н. Региональные особенности бедности в России / Н. Н. Михеева, В. Г. Басарева // Проблемы прогнозирования. – 2021. – № 5 (188). – С. 74–85. – URL: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-188-74-85>.
 20. Korchak, E. High-quality reproduction of labor potential of Arctic territories: Migration factor / E. Korchak, N. Serova // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS LXXVI. 2019. – P. 1736–1742. – URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.235>.
 21. Практики социального иждивенчества в современной России (опыт и результаты регионального исследования) / И. С. Карпикова, Е. И. Нефедьева, Е. В. Зимина, О. Г. Седых [и др.]. – М.: Библио-Глобус, 2018. – 204 с. – URL: <https://doi.org/10.18334/9785907063310>.

References

1. Gorlin, Yu. M. Vliyanie povysheniya pensionnogo vozrasta na uroven bednosti naseleniya RF: mikrosimulyacionnyy analiz [The impact of raising the retirement age on the poverty level of the Russian population: Microsimulation analysis] / Yu. M. Gorlin, M. A. Kartseva, V. Yu. Lyashok // Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]. – 2019. – Vol. 54. – P. 26–50.
2. Grinberg, R. S. Povyshenie pensionnogo vozrasta v Rossii ili kak byudzhetskaya mifologiya usugublyaet socialnoe neblagopoluchie strany [Raising the retirement age in Russia or how budget mythology exacerbates the social disadvantage of the country] / R. S. Grinberg, A. L. Safonov // Zhurnal Novoj ekonomicheskoy associacii [Journal of New Economic Association]. – 2019. – № 2. – P. 167–177. – URL: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-42-2-8>.
3. Isupova, E. N. Ocenka urovnya bednosti v SFO: klassicheskie i alternativnye podhody [Poverty assessment in the Siberian Federal District: classical and alternative approaches] / E. N. Isupova, S. Yu. Vart, S. V. Bekareva // EKO [ECO]. – 2022. – № 11 (581). – P. 109–124. – URL: <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-11-109-124>.
4. Kozlova, O. A. Sokrashchenie bednosti v Rossii v kontekste realizacii nacionalnyh celej razvitiya [Poverty reduction in Russia in the context of the implementa-

- tion of national development goals] / O. A. Kozlova, M. N. Makarova // *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory]. – 2020. – Vol. 17, № 4. – P. 770–780. – URL: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-4.2>.
5. Tikhonova, N. E. Bednost rossijskih professionalov: rasprostranennost, prichiny, tendencii [Poverty of Russian professionals: prevalence, causes, trends] / N. E. Tikhonova, E. D. Slobodenyuk // *Mir Rossii* [The World of Russia]. – 2022. – № 1. – P. 113–137. – URL: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>.
 6. Terin, D. F. Politicheskoe doverie, udovletvorennost i predstavleniya o bednosti: rol normativnykh aspektov institutov v proizvodstve doveriya [Political trust, satisfaction, and perceptions of poverty: the role of normative aspects of institutions in the production of trust] / D. F. Terin // *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. – 2020. – № 3. – P. 144–157. – URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.10>.
 7. Pavlov, P. N. Vliyaniye regul'yatornoy zhestkosti normativno-pravovoy bazy na dinamiku bednosti v regionakh Rossii [The impact of regulatory rigidity of the legal framework on the dynamics of poverty in the regions of Russia] / P. N. Pavlov // *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. – 2020. – № 12. – P. 62–79. – URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-62-79>.
 8. Sushko, V. A. Kachestvo zhizni naseleniya Rossii v XXI veke: blagopoluchnye gody (2002–2012): recenziya na monografiyu Yu. P. Averina [The quality of life of the Russian population in the 21st century: prosperous years (2002–2012): review of the monograph by Yu. P. Averin] / V. A. Sushko // *Vestnik MGU* [Bulletin of the Moscow State University]. – Ser. 18. Sociologiya i Politologiya [Sociology and Polytoogy]. – 2018. – Vol. 24, № 3. – P. 189–204. – URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-189-204>.
 9. Korchak, E. A. Bednost naseleniya kak ugroza ustojchivomu razvitiyu rossijskoj Arktiki [Population poverty as a threat to the sustainable development of the Russian Arctic] / E. A. Korchak // *Arktika i Sever* [Arctic and North]. – 2020. – № 40 (40). – P. 47–65. – URL: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.47>.
 10. Analiz i prognoz urovnya bednosti naseleniya v Arkticheskoy zone Respubliki Saha (Yakutiya) [Analysis and forecast of the poverty level of the population in the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia)] / V. N. Markova, K. I. Alekseeva, A. B. Neustroeva, E. V. Potravnaya // *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems]. – 2021. – № 32 (4). – P. 110–122. – DOI: 10.1134/S1075700721040109.
 11. Belousova, A. V. Uroven bednosti v RF: prostranstvennyy analiz [The level of poverty in the Russian Federation: a spatial analysis] / A. V. Belousova // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. – 2020. – № 4. – P. 73–88. – URL: <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10043>. URL: <https://elibrary.ru/EYYDFG>.
 12. Effektivnaya sistema gosudarstvennogo upravleniya – osnovnoy faktor v borbe s bednostyu naseleniya Rossii [An efficient system of public administration is the main factor in the fight against poverty in Russia] / L. G. Cherednichenko, R. V. Gubarev, E. I. Dzyuba, F. S. Fajzullin // *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal]. – 2023. – № 2. – P. 4–23. – URL: https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_2_4. URL: <https://elibrary.ru/SDCVYW>.
 13. Gubarev, R. V. Izmerenie mnogomernoj bednosti nasele-niya regionov Rossii: gibridnyy podhod [Measurement of multidimensional poverty of the population in Russian regions: a hybrid approach] / R. V. Gubarev, A. G. Karimov, E. I. Dzyuba // *Zhurnal institucionalnykh issledovaniy* [Journal of Institutional Research]. – 2024. – Vol. 16, № 3. – P. 80–95. – URL: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.080-095>. URL: <https://elibrary.ru/FEQSJK>.
 14. Kubishin, E. S. Bednost v Rossii: metodologiya izmereniya i mezhdunarodnye sravneniya [Poverty in Russia: measurement methodology and international comparisons] / E. S. Kubishin, A. P. Sedlov, I. V. Soboleva // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. – 2021. – № 1. – P. 56–70. – URL: <https://doi.org/10.24412/2073-6487-2021-1-56-70>. URL: <https://elibrary.ru/POWMEL>.
 15. Fishman, L. G. Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii [Rent society: in the shadow of labor, capital and democracy] / L. G. Fishman, V. S. Martyanov, D. A. Davydov. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. – P. 416.
 16. Yaroshenko, S. S. “Novaya bednost” v Rossii posle socializma [The “new poverty” in Russia after socialism] / S. S. Yaroshenko // *Laboratorium*. – 2010. – № 2. – P. 221–251.
 17. Lytkina, T. S. Vytesnenie Rossijskogo Severa: isklyuchenie bez prava na resursy [Displacement of the Russian North: exclusion without the right to resources] / T. S. Lytkina, S. S. Yaroshenko // *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic Sociology]. – 2023. – Vol. 24, № 5. – P. 93–127. – URL: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-93-127>.
 18. Kormishkin, E. D. K voprosu o bednosti v Rossii: fakty, paradoksy, osobennosti i perspektivy sokrashcheniya [On the issue of poverty in Russia: facts, paradoxes, features and prospects of reduction] / E. D. Kormishkin, I. A. Ivanova, I. V. Moiseeva // *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. – 2023. – Vol. 16, № 4. – P. 218–235. – URL: <https://doi.org/10.15838/esc.2023.4.88.12>.
 19. Miheeva, N. N. Regionalnye osobennosti bednosti v Rossii [Regional features of poverty in Russia] / N. N. Miheeva, V. G. Basareva // *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems]. – 2021. – № 5 (188). – P. 74–85. – URL: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-188-74-85>.
 20. Korchak, E. High-quality reproduction of labor potential of Arctic territories: Migration factor / E. Korchak, N. Serova // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS LXXVI*. 2019. – P. 1736–1742. – URL: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.235>.
 21. Praktiki socialnogo izhdivenchestva v sovremennoj Rossii (opyt i rezultaty regionalnogo issledovaniya) [Social dependency practices in modern Russia (experience and results of a regional study)] / I. S. Karpikova, E. I. Nefedyeva, E. V. Zimina [et al.] // *Moscow: Biblio-Globus*. – 2018. – 204 p. – URL: <https://doi.org/10.18334/9785907063310>.

Благодарность (госзадание)

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Проблемы роста экономики северных регионов в современной России» (№ 125013001114-9).

Acknowledgements (state task)

The article was prepared in frames of the state task of the Institute for Social, Economic & Energy Problems of the North FRC Komi SC UB RAS "Problemy rosta ekonomiki severnyh regionov v sovremennoj Rossii [Economic growth issues of the northern regions in modern Russia]" (№ 125013001114-9).

Информация об авторах:

Тимушев Евгений Николаевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>, SPIN-код: 2445-0220 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: timushev@iespn.komisc.ru).

Стыров Максим Михайлович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0000-0002-6631-0031>, SPIN-код: 2391-6215 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: styrov@iespn.komisc.ru).

Захариев Радослав Любомиров – аспирант, старший инженер Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; <https://orcid.org/0009-0005-9327-1719>, SPIN-код: 8019-1711 (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zahariev@iespn.komisc.ru).

About the authors:

Evgeny N. Timushev – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>, SPIN-code: 2445-0220 (26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: timushev@iespn.komisc.ru).

Maxim M. Styrov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-6631-0031>, SPIN-code: 2391-6215 (26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: styrov@iespn.komisc.ru).

Radoslav L. Zakhariev – Postgraduate Student, Senior Engineer, Institute of Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0009-0005-9327-1719>, SPIN-code: 8019-1711 (26 Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation; e-mail: zahariev@iespn.komisc.ru).

Для цитирования:

Тимушев, Е. Н. Бедность населения и рост экономики северных регионов: тенденции, взаимосвязь и перспективы / Е. Н. Тимушев, М. М. Стыров, Р. Л. Захариев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Экономические науки». – 2026. – № 5 (90). – С. 128–138.

For citation:

Timushev, E. N. Bednost naseleniya i rost ekonomiki severnyh regionov: tendencii, vzaimosvyaz i perspektivy [Poverty and economic growth in the northern regions: trends, relationship and prospects] / E. N. Timushev, M. M. Styrov, R. L. Zakhariev // Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Series "Economic Sciences". – 2026. – № 5 (90). – P. 128–138.

Дата поступления рукописи: 27.02.2026

Прошла рецензирование: 14.03.2026

Принято решение о публикации: 09.06.2026

Received: 27.02.2026

Reviewed: 14.03.2026

Accepted: 09.06.2026